

V.

Изъ Кавказскаго плѣнника, *А. Пушкина.*

(П ъ с н ь I.)

Руской Офицеръ захваченъ въ плѣнъ Черкесомъ,
и полумертвый привлеченъ въ горской ауль. —
Онъ приходишь въ чувство, и закованныя ноги
увѣряють его въ ужасной истиннѣ — онъ рабъ!

. Все въ ночной тиши
Объято нѣгою спокойной ;
Вдали сверкаешь горный ключъ,
Сбылся съ каменной стремнины ;
Одѣлись пеленою пучь
Кавказа спящія вершины . . .
Но кто въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идешь, украдкою спуская ?
Очнулся Руской. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоишь Черкешенка младая.
На дѣву, молча, смотришь онъ
И мыслишь : это живой сонъ
Усталыхъ чувствъ игра пусшая.

XVIII

Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости опрадной
Колѣна преклонивъ, она
Къ его усшамъ кумысь прохладной
Подносишь тихую рукой. —
Но онъ забыль сосудъ цѣлебный;
Онъ ловишь жадною душой
Пряпной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаешь,
Но взоръ унылый, жаръ лавишь,
Но голосъ нѣжный говоришь
Живи! И пушникъ оживаетъ.

